
РОССИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО А. В. КОЛЧАКА И КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ ТЮРКО-ТАТАР ВНУТРЕННЕЙ РОССИИ И СИБИРИ

И. В. Нам

Кафедра современной отечественной истории
Томский государственный университет
ул. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050

Статья посвящена рассмотрению вопроса об отношении Российского правительства адмирала Колчака к культурно-национальной автономии мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири. Автор показывает безуспешность попыток Национального управления мусульман добиться ее признания омским правительством, которая усматривала в ней умаление суверенитета государственной власти.

История культурно-автономистского движения мусульман России в условиях революции и гражданской войны не получила всестороннего освещения. Если первый период осуществления культурно-национальной автономии в 1917 г. изучен достаточно полно (1), хотя и не имеет однозначной оценки в отечественной литературе (2), то время ее функционирования в условиях гражданской войны еще не привлекло внимания исследователей. *Цель статьи* — проанализировать взаимоотношения Российского правительства Колчака и руководящих структур автономии мусульман.

Культурно-национальная автономия (3) мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири была провозглашена в июле 1917 г. на общем заседании мусульманских съездов — общего, духовенства и военного. Национальное собрание мусульман России (20 ноября 1917 — 11 января 1918 г. Уфа) приняло Конституцию культурно-национальной автономии и ряд положений об управлении духовно-религиозными и культурными делами мусульман, предусматривающих создание городских и окружных (областных) медресе с исполнительными органами под общим руководством Центрального национального управления (ЦНУ), состоящего из трех ведомств — просвещения, духовного и финансов. В апреле 1918 г. по указанию И. В. Сталина Национальное управление было распущено, его местные органы ликвидированы.

Отношение к культурно-национальной автономии мусульман со стороны сменявших друг друга в годы гражданской войны правительств было различным. Временное Сибирское правительство в Омске отказывалось признавать автономию мусульман, расценивая ее как вариант территориально-политической автономии (4). Иную позицию занимал Комитет членов Учредительного собрания в Самаре (Комуч), признавший «беспорным» право на широкую культурно-национальную автономию за мусульманами тюрко-татарами, а Национальное управление мусульман — временным органом самоуправления мусульман (5).

В январе 1919 г. члены Национального собрания мусульман (6) обратились к Российскому правительству А.В. Колчака с просьбой об официальном признании культурно-национальной автономии мусульман тюрко-татар (7). Совет министров воспринял это ходатайство отрицательно, считая «существование такого Национального управления с широкими функциями, без территории и без подчинения какому-либо центральному управлению Всероссийского правительства — явлением ненормальным и подлежащим ликвидации» (8). Но, «по соображениям политическим», МВД сочло «целесообразным замедлить [с] ответом на ходатайство Центрального Национального управления мусульман и допустить факт его существования как временный, впредь до укрепления правительства» (9).

В дальнейшем ЦНУ неоднократно пыталось убедить Омск в необходимости «принципиального признания» культурно-национальной автономии мусульман, доказывая, что это «создаст доверие тюрко-татарского населения... к власти» и что оно «необходимо и неотложно и ввиду происходящих ныне международных событий», чтобы пресечь выступление на мирной конференции в Париже от имени тюрко-татар «безответственных» лиц (10).

С целью заручиться международными гарантиями в Париж, где в это время работала Мирная конференция, нелегально отправился председатель ЦНУ С. Максудов. Он передал главе американской делегации в Версале Лансингу меморандум «Национальные требования татар Внутренней России и Сибири», предложив рассмотреть как одно из условий, которые следовало предъявить России, принятие Конституции мусульман тюрко-татар Европейской России и Сибири (11). Совещание представителей местных органов автономии в Петропавловске в марте 1919 г. избрало делегатами от мусульман России Г. Исхакова и Г. Терегулова (12). После совещания была организована кампания поддержки признания культурно-национальной автономии с мест — в Омск были отправлены телеграммы от мусульман Челябинска, Новониколаевска, Красноярска, Петропавловска, Екатеринбурга (13), но нужного действия они не возымели.

На отношение Омска к культурно-национальной автономии мусульман крайне негативно повлияли действия группы башкир во главе с М.-Г.Г. Курбангалеевым (14), который был против того, чтобы ЦНУ выступало от имени всех мусульман, полагая, что интересы башкир и татар не совпадают. В докладной записке, направленной 12 мая на имя Верховного правителя (15), Курбангалеев потребовал, чтобы ЦНУ именовалось татарским, а не тюрко-татарским, не вмешивалось в дела башкир и покинуло пределы Башкирии. Настойчиво проводилась мысль о том, что ЦНУ ставит своей целью «объединение всех народов тюрко-татарского племени в России» и «стремится к созданию единого тюрко-татарского языка и единой культуры, с помощью которых рассчитывает поглотить и отатарить малокультурные народы этого племени, как-то: башкир, мещеряков, тептярей и киргиз».

Подчеркивалось, что планы этого «самозванного автономного управления проводятся в жизнь успешно». После свержения большевиков Национальное управление «захватило в свои руки всю канцелярию и дела бывшего Оренбург-

ского магометанского духовного собрания в Уфе и издает от себя всевозможные распоряжения и рассылает циркуляры. Духовный отдел печатает метрические книги и раздает их муллам, собирает установленные в прежнее время пошлины, утверждает духовных лиц в должностях ... назначает ревизоров (мухтасибов) над муллами... Отдел просвещения национализировал все земские и министерские начальные школы, назначив в них мугаллимов (учителей) преимущественно из лиц, разделяющих политику отатарения, которые обучают на тюрко-татарском языке, ... чем и отатаривают башкир. Все это делается на местах по инициативе татар, заведывающих отделами мусульманского образования при уездной земской управе, за счет земства, с разрешения земского собрания, благодаря неосведомленности гласных с положением дела. Финансовый отдел облагает население национальными налогами, собирает всякие пожертвования, чем и обеспечивает содержание этого революционного управления и производит расходы по агитации среди мусульман, стараясь их слить во взглядах с мусульманами других стран» (16).

28 мая последовало новое обращение башкир с требованиями «немедленно расформировать революционно-автономное Национальное управление тюрко-татар внутренней России и Сибири» и довести до сведения Мирной конференции, что граждане Исхаков и Мамлеев (17) не являются уполномоченными всех мусульман (18). В решениях конференции башкир, проходившей 22—23 июня в Челябинске (19), снова подчеркивалось, что «тюрко-татарское национальное управление, его ведомства и его местные органы ... не являются выразителями общего мнения всех национальных мусульман России»; в основе их деятельности «лежит политика сепаратизма, и в данный момент эта политика в высшей степени вредна идее возрождения великой мощной России, в частности, упорядочению внутреннего устройства Башкирии, поэтому конференция считает вредным существование такой организации тюрко-татар и просит правительство о немедленной ее реорганизации» (20).

В мае 1919 г. С. Максудов обратился к главе Русского политического совещания в Париже князю Львову с просьбой воздействовать на Омское правительство с целью признания им мусульманских культурно-национальных учреждений. Эта просьба была передана на имя И.И. Сукина (21) телеграммой посла В.А. Маклакова с припиской: «Мы полагаем, что впечатление от сотрудничества с лояльными инородцами могло бы иметь полезные последствия в разрешении общенародного дела» (22).

Омск на эту просьбу предпочел не реагировать, поскольку под воздействием башкирского лобби в правительстве уже сформировалось недоброжелательное отношение к Национальному собранию и управлению мусульман. На запрос И.И. Сукина министр внутренних дел В.Н. Пепеляев отвечал, что, по имеющимся в МВД сведениям, эти организации «самовольно присвоили себе функции правительственных учреждений», «проникнутые тенденциями панисламизма», «действуют преимущественно в узконациональных интересах одной лишь татарской народности и определенно стремятся не к сохранению, а, на-

против, к отатарению других, исповедующих магометанство, племен... При таких условиях я самым решительным образом высказываюсь против сотрудничества правительства с Уфимским национальным собранием и управлением, задачи которых слишком резко расходятся с современною нашею политикою по национальному вопросу» (23).

О деятельности ЦНУ в Омске сложилось устойчивое мнение, что ее следует рассматривать как стремление казанских татар к главенству среди исповедующих ислам, к объединению всех мусульман в «компактную религиозно-национальную группу», чтобы «влиять на направление общей политической жизни русского мусульманства в своих интересах». Для противодействия этой тенденции И.И. Сукиным предлагалась «организация управления духовными делами ... мусульман вне зависимости от какой-либо племенной группы» и «устройство быта отдельных народностей, исповедующих ислам, ... без зависимости слабейших групп от более сильных». Первую задачу предполагалось решить, придав «русское государственное направление мусульманским религиозным течениям в России». В решении второй задачи, направленной на ослабление консолидации мусульман, ставка делалась на поддержку башкирского движения. «Не преувеличивая значение башкир среди других родственных им племен, нельзя не признать, однако, — полагал Сукин, — что в соединении с татарами и киргизами они представляли бы уже известную величину, с которой правительству пришлось бы считаться. Поэтому устройство их быта на автономных началах вполне отвечает общегосударственным интересам, совпадая в то же время с заявлениями правительства о намерении его предоставить народностям, имеющим на это этнографические и исторические права, ту или иную систему самоуправления» (24).

В связи с введением в армии института военных мулл муфтий Г.Г. Галеев и члены духовного ведомства ЦНУ обратились к военному министру с предложением организовать при Ставке Верховного главнокомандующего особую комиссию из представителей духовного ведомства во главе с кадием С. Урмановым (25), указывая, что это поможет введению в войсках «психологии подчинения и повиновения» и «сознательной борьбы с большевиками» (26).

Военный министр и представитель Главного штаба при Ставке генерал В.Г. Бурлин согласились с этим проектом, порекомендовав разработать положение об управлении духовно-религиозными делами мусульман. Но он не получил поддержки Главного управления по делам вероисповеданий. В это время ведомство инославных и иноверных исповеданий, по предложению башкир, разрабатывало предложения о ревизии и роспуске духовно-национальных учреждений тюрко-татар и об образовании особого духовного управления магометан-башкир (27).

Стремясь воспрепятствовать этому решению, духовное ведомство ЦНУ устроило 17—23 июля 1919 г. съезд мусульманского духовенства в Новониколаевске. Во время съезда на имя председателя было передано письмо за подписью некоего, якобы «состоящего при Ставке, поручика Ягафарова», в котором пред-

лагалось внести на обсуждение проект об образовании для Сибири особого Духовного Управления, состоящего из муфтия, назначаемого правительством, и трех кадиев. Указывалось, что этот вопрос «предрешен» правительством, но было бы лучше, если бы проект был принят съездом (28). Это была явная провокация (29), имеющая целью еще более обострить отношения между правительством и ЦНУ.

В Омск для переговоров с правительством были направлены делегаты съезда муллы Валеев и Абдулкаримов. Они были приняты заместителем председателя Совета министров Г.Г. Тельбергом и управляющим МВД (30). Ходатайствуя о «скорейшем рассмотрении и положительном решении» вопроса об автономии мусульман, делегаты заявили, что духовенство «считает Национальное управление своим высшим органом управления», а всякие выступления против него считает «недопустимыми с точки зрения интересов тюрко-татар мусульман». На попытки Омска создать особое духовное ведомство съезд ответил предложением о передаче всех духовных дел временной комиссии по духовным делам при Национальном управлении. Кроме того, было решено ходатайствовать о передаче дела управления военным мусульманским духовенством в духовное ведомство на тех же началах, как это было прежде, когда дела религиозно-духовного воспитания воинов-мусульман сосредоточивались в руках бывшего Духовного собрания, преемником которого считало себя духовное ведомство при ЦНУ.

Скандалная ситуация вокруг Новониколаевского съезда получила широкую огласку (31). Ведомству исповеданий пришлось публично оправдываться (32). В докладе председателю Совета министров П.В. Вологодскому главы ведомства профессора П.А. Прокошева говорилось: «национально-культурная автономия ... есть наиболее последовательное с точки зрения правового государства разрешение национального вопроса», но ее мусульманский вариант представляет «юридическую несообразность и несоответствие своему названию», поскольку «противоречит не только основным признакам культурно-национальной автономии, но и автономии территориальной, так как предполагает управление мусульман как нечто совершенно независимое от центральной государственной власти». А «...параллельное существование двух независимых друг от друга законодательных учреждений — тюрко-татарского национального и общегосударственного... противоречит идее суверенитета государственной власти...».

По мнению Прокошева, тюрко-татары претендуют на особые привилегии по сравнению с другими народами России. «Являясь результатом национального движения тюрко-татар, начавшегося еще в конце XIX в., и в значительной степени окрашенного панисламистским, младотурецким, пантюркистским веяниями, Национальное управление тюрко-татар имеет определенно выраженную тенденцию распространить сферу своего влияния и на другие, кроме татар, тюркские племена — башкир, киргиз, сартов и т.д.» Ссылаясь на протесты против деятельности ЦНУ и его духовного ведомства, Прокошев высказался за поддержку проекта «О духовном управлении мусульман Башкирии», который, по его мнению, «в значительной степени охлаждает панисламистские меч-

ты тюрко-татар ... и дает российской власти целесообразный выход из создавшегося, вследствие претензий тюрко-татар, положения». В заключение он пообещал, что вопрос о национально-культурной автономии мусульман будет рассматриваться одним из первых в междуведомственном совещании по туземным делам, организуемым в целях объединения правительственной политики по национальному вопросу (33).

В некоторых вопросах ведомство вероисповеданий все же пошло навстречу предложениям съезда мусульманского духовенства. В частности, предлагалось в ближайшее время «внести на утверждение законодательной власти вопрос о признании временной комиссии по духовным делам мусульман Сибири временным представительным органом управления духовными делами мусульман тюрко-татар». В то же время подчеркивалось, что «вопрос о признании общей культурно-национальной автономии мусульман России и Сибири, выходя из сферы компетенции ведомства и вызывая возражения среди самих мусульман... может быть разрешен только после рассмотрения его всеми заинтересованными ведомствами» (34).

Стремление ведомства вероисповеданий разделить рассмотрение вопросов о духовной и культурно-национальной автономии мусульман, с точки зрения ЦНУ, было неприемлемо. Стремясь предотвратить принятие этого решения, его председатель Джантюрин 9 октября направил в адрес Совета министров и МВД телеграмму с просьбой принять меры, «чтобы ранее «принципиального разрешения вопроса в [полном] объеме не делались частичные распоряжения в делах, имеющих отношение к вопросу об автономии» (35). Вслед за телеграммой посланы две докладные записки. В первой содержалась попытка убедить правительство, что только «полная передача духовных и культурных дел в самостоятельные и собственные руки самой нации, т.е. путь объявления культурно-национальной автономии мусульман и признание ее учреждений государственно-правовыми», сможет преодолеть накопившиеся в течение веков «рабского подданства» недоверчивость и подозрительное отношение к власти. Будет «глубоким заблуждением со стороны правительства, — указывалось в записке, — если оно рассчитывает на успокоение нации внесением частичных изменений в действующие законоположения или провозглашением автономности мусульман только по духовным делам» (36).

Во второй записке авторы пытались убедить правительство, что автономистское движение мусульман не имеет никакого отношения к сепаратизму, настаивая на том, что задержка в признании культурно-национальной автономии тюрко-татар, «крайне нервирующая мусульманское население», особенно нежелательна теперь, когда существует такая «острая нужда в организации сил» (37).

В поддержку этих обращений была организована новая кампания — из Канска, Усоляя, Семипалатинска, Верхнеудинска были направлены телеграммы-ходатайства о признании правительством культурно-национальной автономии мусульман (38). Но и на этот раз попытка организации массовой поддержки с мест не нашла понимания власти.

На обращения ЦНУ от имени П.В. Вологодского за подписью управляющего делами Совета министров Г.К. Гинса был получен формальный ответ, что «вопрос об автономии мусульман в делах вероисповедных разрабатывается Главным управлением по делам в духе самой широкой автономии; что же касается вопроса о культурно-национальной автономии тюрко-татар в более широком смысле, то этот вопрос в компетенции Всероссийского Учредительного Собрания, созыв которого может быть осуществлен только по окончании гражданской войны» (39).

В августе—сентябре 1919 г. в рамках добровольческого «крестоносного» движения (40) началось формирование мусульманских дружин «Зеленого Знамени». Газеты писали, что идея борьбы с большевиками встречает полное сочувствие мусульман и запись добровольцев дает хорошие результаты. Сообщения о формировании дружин Зеленого Знамени поступали из Омска, Новониколаевска, Иркутска, Томска, Барнаула, Бийска, Семипалатинска, Кокчетавы и других мест (41). Колчаковская пропаганда представляла формирование мусульманских добровольческих дружин как объявление большевикам священной войны — газавата.

Заявляя о своей готовности принять участие в войне с большевиками, мусульмане выдвигали условие — признать их культурно-национальную автономию. Вопрос о создании мусульманской добровольческой дружины, — говорилось в резолюции собрания мусульман Новониколаевска, — может получить «правильное разрешение» лишь в том случае, если правительство признает автономию тюрко-татар, и если этот вопрос будет решаться вместе с «авторитетным в глазах мусульман учреждением» — Национальным управлением (42).

Мусульманский общественный деятель Н.М. Карпов, обращая внимание на то, что в сибирских газетах появились заметки, призывающие мусульман к священной войне против большевиков, указывал, что смешивать между собой понятия «священная война» и «добровольческое движение мусульман» нельзя (43), и предупреждал, что «возбуждать в мусульманском населении движение в пользу объявления священной войны опасно, ибо может привести к весьма печальным результатам, имея в виду, что мусульманское население очень религиозно и фанатично. Идея священной войны ни в коем случае не может служить к поднятию среди мусульман добровольческого движения». К этой цели, — подчеркивал он, — следует идти иными путями и прибегать к другим средствам, а именно: привлечь мусульманские учреждения — Национальное управление и его отделы на местах — к делу организации мусульманских полков (44).

На необходимость пойти навстречу требованиям мусульман указывали даже занимающиеся их вербовкой офицеры. Так, подпоручик Васильев просил поддержать ходатайство мусульман, указывая, что «в целях более успешной вербовки добровольцев среди мусульман настоятельно необходимо ... признание правительством центрального мусульманского правления» (45).

Но эти здравые предупреждения в расчет не принимались (46), а выдвигаемые мусульманами требования признавались несвоевременными. «Стремление к «национально-культурной автономии» может быть понятным и естествен-

ным, — писал автор статьи «Мусульмане и автономия», — но оно должно быть только *результатом*, а не условным *требованием*, если считаться с моментом наивысшего напряжения борьбы *всей нации* с одним общим государственным злом...» (47).

Незадолго до поражения в правительстве пришли к выводу, что, возможно, и следовало бы пойти навстречу требованиям мусульман. 24 ноября В.Н. Пепеляев, сменивший на посту председателя Совета министров П.В. Вологодского, принял председателя комиссии по созыву экстренного съезда мусульман А.Г. Мусалимова. В ответ на вопрос о необходимости признания культурно-национальной автономии Пепеляев заявил, что правительство давно имело это в виду и он, со своей стороны, примет все меры к скорейшему обнародованию соответствующего правительственного акта (48).

По сути, позиция правительства по вопросу о признании культурно-национальной автономии мусульман не изменилась. Считалось возможным признать духовную автономию мусульман, а рассмотрение вопроса о культурно-национальной автономии откладывалось. ЦНУ, со своей стороны, настаивало на признании культурной автономии как формы национального самоуправления, не выделяя ее духовных функций от остальных.

Столь настороженное отношение Временного Сибирского, а затем и российского правительств к культурно-национальной автономии мусульман основывалось на изначальной предубежденности к самой идее автономии. Это было обусловлено державным менталитетом идеологов и руководителей «белого» движения, весьма туманными представлениями о политических течениях в мусульманском движении (отсюда — поддержка башкир) и в особенности — недооценкой столь необходимого для сохранения целостности России объединительного потенциала, заложенного в этой форме национальной автономии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: *Давлетишин Т.* Советский Татарстан: Теория и практика ленинской национальной политики. — Лондон, 2004; *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). — М., 2004; *Нам И.В.* Культурно-автономистское движение мусульман России в начале XX века // *Ислам в культурном ландшафте России: история и современность.* — Томск, 2002, и др.
- (2) По мнению одних исследователей (*Д.А. Аманжолова*), после февраля 1917 г. идея национально-культурной автономии отходит на второй план, а на первые позиции выходят вопросы национально-государственного устройства с ориентацией на формирование новых демократических отношений «центра» и национальных мусульманских окраин. Другие авторы (*Р.Г. Кузеев*) полагают, что идея национально-культурной автономии не успела сложиться в четко разработанную концепцию и тем более — широко распространиться. С.М. Исхаков, напротив, считает, что в 1917 г. происходило обратное — культурно-автономистское движение было доминирующим вплоть до разгона Учредительного собрания (см.: *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). — С. 68, 69).
- (3) Отличительными признаками культурно-национальной (национально-персональной) автономии являются: *персонализм*, т.е. принцип добровольной этноидентификации,

экстерриториальность, позволяющая удовлетворять национальные интересы и права, не нарушая территориального status quo, и признание национальных сообществ *коллективными субъектами права*, правомочными с точки зрения представительства и защиты специфических интересов национального сообщества.

- (4) ГА РФ. — Ф. Р-200. — Оп. 1. — Д. 258. — Л. 37—40.
- (5) Вестник Комуча. — Самара. — 1918. — 8 сент.
- (6) После захвата большевиками Уфы в ноябре 1918 г. члены Национального собрания и управления перебрались в Петропавловск.
- (7) ГА РФ. — Ф.Р-1701. — Оп. 1. — Д. 55. — Л. 3—3 об.
- (8) Там же. — Л. 2—2 об.
- (9) Там же. — Л. 5 об.
- (10) Там же. — Д. 57. — Л. 2—3 об. (Письмо от 21 марта 1919 г.).
- (11) Текст Меморандума не сохранился. Он был восстановлен из черновиков и опубликован дочерью С. Максудова *Айда А.* в книге: Садри Максуди Арсал. — М., 1996. — С. 255—261.
- (12) Из-за болезни Г. Терегулов вынужден был вернуться в Россию и вместо него в Париж приехал Ф. Туктаров.
- (13) ГА РФ. — Ф. Р-1701. — Оп. 1. — Д. 57. — Л. 19, 20—32.
- (14) М.Г. Курбангалеев — один из лидеров башкирского национального движения. В феврале 1919 г. отказался перейти на сторону советской власти вместе с главой Башкирского правительства З. Валидовым. На встрече Верховного правителя в Челябинске в феврале заверил Колчака, что «башкиры готовы до последней капли крови рука об руку с казаками сражаться против советской власти» (См.: *Кульшарипов М.М.* Башкирское национальное движение (1917—1921 гг.). — Уфа, 2000. — С. 324).
- (15) Документ был отправлен от имени уполномоченных от башкир Челябинского уезда М.-К. Казимуратова и М.-Г. Курбангалеева.
- (16) ГА РФ. — Ф. Р-176. — Оп. 4. — Д. 163. — Л. 158—161.
- (17) Авторы записки ошибаются. Членами делегации были, как уже указывалось выше, Г. Исхаков и Г. Терегулов.
- (18) ГА РФ. — Ф. Р-176. — Оп. 1. — Д. 22. — Л. 2.
- (19) Конференция постановила созвать 26 июля всебашкирский съезд в Челябинске, которому предстояло рассмотреть и вопрос о культурно-национальной автономии. На проведение съезда было получено разрешение МВД, но он не состоялся, т.к. 24 июля Челябинск был занят Красной армией.
- (20) ГА РФ. — Ф. Р-176. — Оп. 1. — Д. 22. — Л. 22, 23 об. 24.
- (21) Сукин И.И. — управляющий ведомством иностранных дел в правительстве А.В. Колчака.
- (22) Там же. — Ф. Р-1701. — Оп. 1. — Д. 57. — Л. 48; 215.
- (23) Там же. — Л. 49 об. — 50.
- (24) Там же. — Оп. 1. — Д. 22. — Л. 11 об. — 12 об.
- (25) В круг его обязанностей входило составление агитационных воззваний с призывом к борьбе с большевиками; поиск кандидатур на должности полковых, дивизионных, корпусных и армейских мулл; обеспечение их метрическими книгами; посещение фронта и войсковых частей тыла, в которых имелись мусульмане, для ведения духовно-религиозных бесед.
- (26) ГА РФ. — Ф. Р-176. — Оп. 3. — Д. 18. — Л. 34—34 об.
- (27) Там же. — Ф. Р-1700. — Оп. 1. — Д. 45. — Л. 2—2 об.
- (28) ГА РФ. — Ф. Р-147. — Оп. 10. — Д. 43. — Л. 77—77 об.
- (29) Как выяснилось, поручика Ягафарова на самом деле не существовало. Письмо было написано рукой главного военного муллы Салимгареева, подпись именем поручика Ягафарова сделана У. Фаизхановым.

- (30) Русь. — Омск, 1919. — 13 авг.
- (31) Там же. — 13, 24 авг.
- (32) Наша заря. — 1919. — 19 авг.
- (33) ГА РФ. — Ф. Р-176. — Оп. 3. — Д. 18. — Л. 3—11 об.; 231—248.
- (34) Там же. — Л. 53.
- (35) Там же. — Л. 37—38.
- (36) Там же. — Л. 70—73.
- (37) Там же. — Л. 40—44 об.
- (38) Там же. — Л. 53—55 об, 66.
- (39) Там же. — Д. 18. — Л. 68, 70.
- (40) Начало «крестоносному» движению было положено образованием в июне 1919 г. в Омске «Православного братства святителя Гермогена». В августе один из его организаторов, профессор Пермского университета Д.В. Болдырев выступил с заявлением, что «большевизм из чисто политического учения и движения превратился теперь уже почти исключительно в антирелигиозное атеистическое течение» и предложил образовать «Дружины Святого Креста» — воинские добровольческие части, имеющие задачей борьбу с большевиками за Веру и Родину. Эта идея получила поддержку А.В. Колчака, министра внутренних дел В.Н. Пепеляева и командующего Восточным фронтом генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса. Очень скоро православное движение превратилось в более широкое религиозное движение за веру, в желание вести вооруженную борьбу с воинствующим неверием, с атеизмом, в котором приняли участие представители других конфессий, в особенности старообрядцы и мусульмане.
- (41) Русская речь. — 1919. — 24 сент.; Сибирская жизнь. — 1919. — 1, 24 окт.; Речь Алтая. — Барнаул. — 1919. — 3 нояб.; Русский голос. — Томск, 1919. — 27 (14) окт.; Народный вестник. — Томск, 1919. — 13 нояб.; *Наумова Н.И.* Организация отрядов зеленого знамени в Сибири // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 2007. — С. 109.
- (42) Русская речь. — 1919. — 24 сент.; Сибирская жизнь. — 1919. — 1 окт.
- (43) «По своему смыслу, — разъяснял Карпов, — священная война — «газават» — это война против всех немусульманских религий, против иноверцев, безразлично, будь это православный, иудей или язычник, и право объявить священную войну принадлежит только шейхуль-исламу и халифу».
- (44) Сибирская жизнь. — 1919. — 26 сент.
- (45) ГА РФ. — Ф. Р-1701. — Оп. 1. — Д. 55. — Л. 6, 7—1.
- (46) Другие мнения, касающиеся отношения к мусульманской автономии, высказывались и в правительственных кругах. Так, в записке юрисконсульта Совета министров М.С. Венецианова говорилось, что «национальное самоуправление татар вполне приемлемо и согласно с существующим строем». Полагая, что «отсутствие легального органа по религиозно-национальным делам татар ... создает отчуждение между этой национальностью и правительством», он рекомендовал «в самом спешном порядке образовать комиссию для выработки законопроекта о национально-религиозной организации» тюрко-татар с участием представителей татар, министерств внутренних дел, просвещения, исповеданий, финансов и юстиции, а до издания соответствующего закона — признать «существование национальной организации татар» и «не чинить препятствий» ее стремлению «работать совместно с правительством для достижения общей цели — поражения большевиков и создания единого Русского государства» (ГА РФ. — Ф. Р-176. — Оп. 1. — Д. 22. — Л. 49; Ф. Р-1701. — Оп. 1. — Д. 55. — Л. 12).
- (47) Надежда России. — Новониколаевск, 1919. — 1 окт.
- (48) Наше дело. — Иркутск, 1919. — 26 нояб.

**RUSSIAN GOVERNMENT OF A.V. KOLCHAK
AND CULTURAL-NATIONAL AUTONOMY
OF TURKISH-TATAR OF INNER RUSSIA AND SIBERIA**

I.V. Nam

Contemporary Russian history Department
Tomsk State University
Lenina Str., 36, Tomsk, Russia, 634050

The article is devoted to Russian Kolchak government's attitude to cultural-national autonomy of muslim Turkish-Tatar of inner Russia and Siberia. The author shows the National Muslims administration vain attempts of trying to get them recognition of Omsk power which saw in it belittling of State power sovereignty.